

И. В. Клыпина¹✉, Е. Ю. Шестакова²

✉ clypinairina@yandex.ru

¹Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Северодвинск, Российская Федерация

²Гуманитарный институт Северного (Арктического) Федерального университета им. М. В. Ломоносова, г. Северодвинск, Российская Федерация

Проблема физического наказания ребенка в семье в прозе и публицистике Федора Сологуба

Аннотация: Целью нашего исследования стало рассмотрение проблемы физического наказания ребенка в семье, ставшей главным предметом изображения в прозе и публицистике писателя конца XIX – начала XX века Федора Сологуба. Исследование проводится на основе методов интерпретации, сопоставления, наблюдения и обобщения. Полученные результаты показали, что впервые обозначенная проблема была поставлена в отечественной публицистике и беллетристике XIX века. Среди русских писателей, обратившихся к проблеме телесных наказаний в семье, особенно выделяются имена Ф. М. Достоевского и Н. Г. Гарина-Михайловского. Основной гуманистический посыл литературных предшественников был подхвачен и развит Ф. Сологубом, в детстве подвергавшимся физическим наказаниям. Видение им указанной проблемы обретает амбивалентный характер. В статье автор доказывает необходимость и пользу такого воспитательного воздействия. В художественных произведениях Ф. Сологуб с предельной остротой обнажает губительность, разрушительность для духовного мира ребенка регулярных физических наказаний.

Ключевые слова: проблема физического наказания, образ ребенка, публицистика, русская литература, Достоевский, Гарин-Михайловский, Сологуб.

Дата поступления статьи: 6 февраля 2022 г.

Для цитирования: Клыпина И. В., Шестакова Е. Ю. (2022) Проблема физического наказания ребенка в семье в прозе и публицистике Федора Сологуба. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 16, № 3, с. 22–31. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2022.16.3.2.

Scientific article

I. V. Klypina¹✉, E. Yu. Shestakova²

✉ clypinairina@yandex.ru

¹Pomeranian State University named after M. V. Lomonosov, Severodvinsk, Russian Federation

²Humanitarian Institute of the Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Severodvinsk, Russian Federation

The problem of physical punishment of a child in the family raised by Fyodor Sologub in his prose and journalism

Abstract: The purpose of our research was to consider the problem of physical punishment of a child in the family; this issue became the main subject in the prose and journalism of Fedor Sologub, the writer of the late XIX – early XX century. The research material included the stories “The Sting of Death”, “A Dream on the Rocks”, the novel “The Legend being Created” and the article “On Corporal Punishment”. The research is carried out on the basis of methods of interpretation, comparison, observation and generalization. The obtained results showed that for the first time the designated problem was posed in the national journalism and fiction of the XIX century. The names of F. M. Dostoevsky and N. G. Garin-Mikhailovsky stand out in particular among the Russian writers who have addressed the problem of corporal punishment in the family. In the “Diary of a writer”, F. M. Dostoevsky addressed the topic of difficult childhood and difficult children's destinies in the stories and essays “A boy with a pen”, “A colony of juvenile delinquents», “A Boy at Christ on the Christmas tree”. In the articles “About the Kroneberg case”, “The case of the Dzhunkovsky parents with their own children”, the author described in detail the real cases of cruel punishments he encountered in the judicial chronicle.

Keywords: problem of physical punishment, image of a child, journalism, Russian literature, Dostoevsky, Garin-Mikhailovsky, Sologub.

© И. В. Клыпина, Е. Ю. Шестакова, 2022

Paper submitted: February 6, 2022.

For citation: Klypina I. V., Shestakova E. Yu. (2022) The problem of physical punishment of a child in the family raised by Fyodor Sologub in his prose and journalism. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 16, no. 3, pp. 22–31. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2022.16.3.2.

Введение

Проблема физического наказания ребенка в семье стала острой, дискуссионной, активно обсуждаемой на страницах русской публицистики XIX века. Эта проблема была затронута и в отечественной прозе указанного периода. Выводы, звучащие в «Дневнике писателя» (1876–1881) Ф. М. Достоевского, рассказах и повести «Детство Тёмы» (1892) Н. Г. Гарина-Михайловского, послужили идейной, концептуальной, эстетической почвой для художественных и публицистических изысканий Федора Сологуба (1863–1927). Целью нашего исследования стало рассмотрение своеобразия решения проблемы физического наказания ребенка в семье в творческом наследии писателя-символиста.

Методы

Методы интерпретации, сопоставления, наблюдения и обобщения позволили выявить особенности художественного воплощения проблемы физического наказания ребенка в семье в прозе и публицистике Федора Сологуба. Данная тема уже обращала на себя внимание исследователей Н. В. Барковской, О. Н. Веселовой, Т. Р. Гавриш, М. М. Павловой, Н. П. Утехина (Барковская, 2013; Веселова, 2011; Гавриш, 2004; Павлова, 2007, 1990; Утехин, 1991) и др. Вместе с тем вопрос о своеобразии раскрытия проблемы физического наказания ребенка в семье в творчестве Ф. Сологуба в современном литературоведении не является полностью исчерпанным.

Результаты

Проблема физического наказания ребенка в семье оказалась в центре внимания ведущих критиков и писателей второй половины XIX века. Это было связано с тем, что «телесные наказания в России, узаконенные государственным правом, имели многовековую традицию» (Павлова, 2007). Культурная общественность воспринимала телесные наказания как тяжелый пережиток старого времени, требовала неуклонного отказа от их применения. В конце XIX столетия в российской публицистике этот вопрос становится не просто актуальным, но активно обсуждаемым.

О вреде физических наказаний писали и врачи, например Н. И. Пирогов. В 1858 году он выпустил статью «Нужно ли сечь детей и сечь в присутствии других детей?» В ней автор высказывался о том, что публичные физические наказания являются причиной сильнейших унижений и страданий ребенка. Они не только не помогают в воспитательном процессе, но приводят к обратным результатам. В 1896 году состоялся съезд русских врачей, участники которого вынесли вердикт о недопустимости порки в отношении детей.

Как отмечает М. М. Павлова, «в журналах, столичных и провинциальных газетах с начала 1890-х годов систематически печатали материалы по злободневному вопросу (исторические, юридические, педагогические, медицинские), помещали выступления видных врачей, юристов, педагогов, писателей (в частности, статья Л. Толстого «Стыдно» появилась в «Биржевых ведомостях» в декабре 1895 года), издавались специальные книги» (Павлова, 2007).

В художественных произведениях Ф. М. Достоевского особенно остро стоит тема «несчастливого детства», образ страдающего ребенка появляется в повести «Неточка Незванова» (1849), романах «Униженные и оскорбленные» (1860), «Братья Карамазовы» (1880). Писатель «по-новому увидел и осмыслил положение ребенка в обществе» (Веселова, 2011). Ф. М. Достоевский «считал, что только дети способны “очеловечить” нашу душу, они связаны с великой тайной духа, с указанием пути к идеалу» (Веселова, 2011). Ребенок, на взгляд писателя, является «символом нравственного совершенства, движения к будущей гармонии, воплощает невинность, чистоту и беззащитность» (Веселова, 2011).

Публицистические работы Ф. М. Достоевского, в частности «Дневник писателя» (1876–1881), включают в себя ряд произведений, посвященных теме тяжелого детства и сложным детским судьбам: «Мальчик с ручкой», «Колония малолетних преступников», «Мальчик у Христа на елке». В «Мальчике с ручкой» писатель «предельно жестко и вызывающе, шокирующе строит образ: в центре огромного города – разоренный вертеп. Мать мертва, а младенец голоден и ему холодно. И для всех, празднующих Рождество Того, Кто так наглядно воображается в мальчике, он, мальчик, – лишний и мешающий празднику» (Касаткина, 2019, с. 28).

По мнению Я. В. Смирнова, «“Мальчик с ручкой” и “Мальчик у Христа на елке” помогают читателю проникнуться остротой и болезненностью поднимаемой проблемы неблагополучного детства, и именно через их призму содержание третьей части главы (имеется в виду «Колония малолетних преступников». – И. К., Е. Ш.) приобретает не криминально-уголовный характер, что с точки зрения большинства обывателей было бы логично при рассказе о колонии преступников, а социально-драматический, когда дети показаны многократными жертвами, всеми пожертвованным поколением» (Смирнов, 2015, с. 116).

Рассказ «Мальчик у Христа на елке» полон острых критических обличений, фиксирующих связь духовно-нравственного, социального неблагополучия общества и смерти ребенка. На взгляд писателя, виновниками нищеты, голода и гибели маленького героя, как и множества других детей, оказавшихся в подобной ситуации, становится общество, в котором мимо страдающего ребенка проходит равнодушный «блюститель порядка», а богатые, сытые «барыни» кричат и машут, прогоняя с порога своего дома.

Статьи «Дневника писателя» за февраль 1876 года Ф. М. Достоевского обращаются к судебному разбирательству по делу Кронеберга – отца, который «высек ребенка, семилетнюю дочь, слишком жестоко; по обвинению – обходился с нею жестоко и прежде» (Достоевский, 1989, с. 152). Это «дело представлялось весьма характерным и важным многим современникам», «оно послужило многим публицистам и литераторам поводом для высказывания собственных идей относительно актуального вопроса о пределах родительской власти и допустимости вмешательства государства в дела семьи» (Уччелло, 2019, с. 49). Следует указать и на то, что в обвинительной речи Ивана Карамазова звучат факты из реального процесса Кронеберга. Адвокат жестокого отца, Спасович, явился прообразом адвоката Фетюковича в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Писатель в своей статье указывает, что родитель истязал девочку «четверть часа» не «розгами, а “шприцрутенами”, то есть невозможными для семилетнего ребенка» (Достоевский, 1989, с. 152). Детали, свидетельствующие о жестокости отца, поражают воображение: «<...> отец перед сечением, когда ему заметили, что вот хоть этот сучок надо бы отломить, ответил: “Нет, это придает еще силы”» (Достоевский, 1989, с. 152). Из показаний свидетелей стало известно, что за любую «детскую шалость» Кронеберг «сек и бил» девочку «по лицу», вследствие чего она «дичала и тосковала все больше» (Достоевский, 1989, с. 152).

Ф. М. Достоевский пытается ответить на вопрос, в чем причина такого жестокого отношения к ребенку. И усматривает ее в природе, душе самого Кронеберга. Писатель вводит образ «ленивого сердца» для обозначения духовного состояния отца-истязателя. Кронеберг никогда не обращался внутрь своей души, не заботился о нравственности, не задумывался о любви и милосердии. Итогом этого стали мучения безвинного ребенка.

Авторский комментарий, помещенный в статье, полон горячего сочувствия «внутренним мучениям» и «страданиям оскорбляемого крошечного создания Божия» (Достоевский, 1989, с. 165). Писатель обращается к своим читателям – широкой русской общественности: «А знаете ли вы, что такое оскорбить ребенка? Сердца их полны любовью невинною, почти бессознательною, а такие удары вызывают в них горестное удивление и слезы, которые видит и сочтет Бог» (Достоевский, 1989, с. 174).

Еще одно громкое судебное дело стало для Ф. М. Достоевского предметом для размышлений в статье «Дело родителей Джунковских с родными детьми» (июльский выпуск «Дневника

писателя» за 1877 год). Здесь автор раскрывает суть семейного преступления, которая заключается в том, что родители отказались заботиться о своих детях: «Они <...> не ласкали их как родители, <...> оставив без присмотра, давали им плохое содержание, помещение, одежду, постели и стол» (Достоевский, 1989, с. 453). В названии статьи заложен глубокий смысл, «вынесенное автором определение “родные” служит не столько указанием на родство участников процесса, сколько указывает на абсурдность и невероятную жестокость происходящего» (Иванникова, 2012, с. 140).

В статье сообщается, что Джунковские изобретали разнообразные наказания для своих детей: «<...> запирали <...> на продолжительное время в сортир, оставляли дома в холодной комнате и почти без пищи или посылали обедать и спать в комнате прислуги. <...> наконец, часто били чем попало, даже кулаками, секли розгами, хворостиною, плетью, назначенной для лошадей, и с такою жестокостью, что страшно было смотреть, <...> и что спина ребенка болела пять дней от одной из таких экзекуций» (Достоевский, 1989, с. 453–454). Причем «подобные побои были последствием не всегда какой-нибудь хотя бы маловажной шалости, но и просто так себе – по желанию» (Достоевский, 1989, с. 454).

Итогом такого воспитания явилась ответная жестокость детей: «<...> когда умерла Екатерина, мальчики Николай и Александр в то время, когда сестра их лежала на столе, – нарезав в саду прутьев, били мертвую по лицу, приговаривая: теперь-то натешимся над тобою за то, что ты на нас жаловалась» (Достоевский, 1989, с. 454). Родители не признавали обвинений, не усматривая в своих воспитательных методах ничего предосудительного. Писатель выступает страстным защитником детей – «жертв капризного эгоизма» «бессердечных родителей», «развративших» и ожесточивших «сердце ребенка» (Достоевский, 1989, с. 455–460).

У Ф. М. Достоевского-публициста неизбежно возникает вопрос об «оскорбленных детях», превращающийся в выяснение: «Кем оскорбленные?», «Как и чем и кто виноват?» Писатель стремится обозначить конкретный источник зла и указать на него. В его суждениях главным виновником страданий и унижений ребенка является семья, нарушающая норму, отнимающая у ребенка счастливое и безмятежное детство. Ф. М. Достоевский называет ее «случайное семейство».

Очевидным признается и тот факт, что общество, читатель, к которому обращается Ф. М. Достоевский, «постепенно привыкает к подобным “происшествиям”», «частотность происходящего снижает, а порой и вовсе нивелирует “живую” реакцию людей на факты жестокости родителей по отношению к своим детям» (Иванникова, 2012, с. 141). Более того, писателю были известны оправдательные приговоры родителям-истязателям (дело каширских помещиков Умецких). Иными словами, Ф. М. Достоевский наблюдал глубокий духовный кризис русского общества конца XIX века.

Гуманистический посыл Ф. М. Достоевского оказался особенно близок Н. Г. Гарину-Михайловскому, испытавшему в детстве сильнейшее потрясение от физических наказаний в собственной семье. В свои произведения он включает эпизоды телесных наказаний героев-детей, показывает глубину их нравственных и физических страданий.

Так, рассказ «Дворец Дима» (1900) содержит упоминание о наказании матерью девочки Наташи, отказавшейся следовать родительскому запрету и продолжившей общение с Димом. Чуткое детское сердце чувствует несправедливость и жестокость наказания, ведь она лишь хотела поддержать грустного, одинокого, больного мальчика.

Глава вторая «Наказание» из повести «Детство Тёмы» (1892) представляет собой детальный психологический анализ состояния маленького героя. Отец руководствуется благими намерениями – отучить ребенка воровать (воспринимая сломанный в саду цветок как совершение уголовного преступления), чтобы избежать в будущем «публичного позора» (Гарин-Михайловский, 1988, с. 21). Автор описывает внешнее поведение ребенка перед предстоящим наказанием («Мальчик тоскливо, безнадежно оглядывается. Ноги его совершенно отказываются служить, он топчется, чтобы не упасть») и его внутреннее состояние («Мысли вихрем, с ужасающей быстротой несутся в его голове. Он напрягается из всех сил, чтобы вспомнить то, что он хотел

сказать отцу, когда стоял перед цветком», «Ужас охватывает душу мальчика», «Он испытывает какое-то болезненное замирание, мучительно роется в себе, что еще сказать») (Гарин-Михайловский, 1988, с. 21–22). Отдельно отметим, что «когда герой счастлив, он находится в единении с природой», но, «попав в беду, остается один» (Фролова, 2007).

Детские переживания в сцене непосредственно телесного наказания достигают высокой степени эмоционального напряжения, ребенок испытывает весь спектр чувств – от желания молить о пощаде до страстной ненависти: «Не целовать, а бить, кусать хочется ему эту противную, гадкую руку. Ненависть, какая-то дикая, жгучая злоба охватывает его» [10, с. 22]. Тёма превращается в «звереныша», «извивающегося, рычащего», кусающегося, «жалкого, огаженного», который «дикое, с инстинктом зверя, о котором на минуту забыли, пробирается к выходу» (Гарин-Михайловский, 1988, с. 23).

Все это передано автором с помощью особого «синтаксиса и лексического наполнения предложений», «подчиненных одной цели: показать психологический надлом человека, превращающегося (или, точнее, превращаемого) в животное» (Фролова, 2007). Как убедительно показывает исследователь, «система номинаций персонажа, поддерживаемая определениями-эпитетами, раскрывает глубину страданий мальчика и является важным средством выражения авторской позиции» (Фролова, 2007).

Крик любящей, страдавшей матери звучит как гневное обличение всем тем, кто в воспитательных целях считает допустимыми телесные наказания детей: «И это воспитание?! <...> Превратить в жалкого идиота ребенка, вырвать его человеческое достоинство – это воспитание?!» (Гарин-Михайловский, 1988, с. 23) Мать Тёмы, без сомнения, «выступает выразителем авторской позиции в вопросах воспитания» (Фролова, 2007). Ее главная задача – не только понять сына, но и защитить его.

Суровые наказания отца ожесточают Тёму, не позволяют ему простить и открыто любить родителя и отчий дом. По прошествии многих лет, вернувшись в родной дом, он сохраняет лишь неприятные воспоминания об отце. Материнская любовь является тем единственным, что душевно согревает Тёму. Но не только это примиряет героя с пережитыми унижениями. В этом отношении весьма интересными следует признать умозаключения С. С. Фолимонова, касающиеся главы «Прощение»: «Ее название полисеманлично. Но главный оттенок в спектре ее значений, конечно, христианский, доказательством чему служит откровенный разговор матери с сыном, позволивший поставить точку в повести печального дня. Почему Аглаида Васильевна обратилась к образу Христа, пытаясь библейскими истинами уврачевать душу ребенка, хотя была категорически не согласна с “методами воспитания мальчиков”, продемонстрированными мужем? Потому что, будучи глубоко верующим человеком, она прекрасно понимала, насколько опасно для детской души разъедающее чувство ненависти к ближнему, даже если оно вызвано жестокостью отца. Не о сохранении незыблемых основ патриархальной семьи думала она, а о необходимом умении прощать» (Фолимонов, 2012).

Проблема физического наказания детей оказалась близка и Федору Сологубу, чье творчество приходится на конец XIX – начало XX века. Сам он пережил в детстве множество унижений от матери, считавшей нормальным регулярные порки, следовавшие за любыми, даже невинными провинностями. Много страдавший от несправедливостей, писатель становится защитником детства в своих произведениях. Кроме того, вся жизнь Ф. Сологуба была тесно связана с детьми. Он работал учителем, потом инспектором училища, какое-то время занимал должность председателя в детской секции Всероссийского союза писателей.

Ф. Сологуб в незавершенной статье «О телесных наказаниях» (1893–1896), вслед за своими литературными предшественниками, призывает «обращаться осторожно с душой ребенка – ибо таковая есть Царствие Божие»¹. Бережное отношение к детям, на взгляд писателя, необходимо, так как «чужая душа должна быть для нас святынею уже потому, что мы в ней часто видим очень мало, что осквернить чужую душу легко, а возвысить ее трудно»².

¹ Сологуб Ф. О телесных наказаниях // ИРЛИ. Ф. 289. ОП. 1. Ед. хр. 570.

² Там же.

Однако этот принцип, согласно размышлениям Ф. Сологуба, можно отнести к сфере идеальной, теоретической, на практике для правильного формирования личности ребенка требуется применение телесных наказаний, являющихся важной мерой воспитательного воздействия. И здесь писатель вступает в открытую полемику с рассуждениями отечественной публицистики: «Останется остановиться несколько на тех возражениях, которые делались против телесных наказаний врагами их. В свое время на это было потрачено немало ума и таланта. Обличительное направление русской литературы не могло не коснуться позорных злоупотреблений телесными наказаниями. Мощное движение общественного мнения присоединилось к голосу прессы. Достаточно указать хотя бы на имена Пирогова и Добролюбова, чтобы припомнить, какие авторитетные голоса раздались против этого вида наказаний»³.

Последовательно опровергнув «мысли», «встречающиеся во всех этих возражениях», Сологуб убедительно доказывает, что телесные наказания применимы в том случае, если не «вредят» и не «разрушают» ребенка, но способствуют его «нравственному росту», «приносят пользу телу, <...> закаляя его, и, главное, духу, который приучается сознавать свое господство над телом»⁴. Розга, на взгляд писателя, является «необходимостью воспитателя», то есть «детей надо часто и больно сечь»⁵.

Вывод, делаемый Сологубом, представляется в высшей степени парадоксальным: «Пусть же все порют ребенка. Дома их должны пороть родители, старшие братья и сестры, старшие родственники, няньки, гувернеры и гувернантки, домашние учителя и даже гости. В школе его пусть дерут учителя, священник, школьное начальство и сторожа, товарищи, и старшие и младшие. В гостях за малость пусть его порют, как своего. На улицах надо снабдить розгами городских: они тогда не будут без дела»⁶.

Такое умозаключение Ф. Сологуба, вызывающее недоумение, обращало на себя внимание исследователей. М. М. Павлова считает, что Ф. Сологуб высказался вполне искренне и серьезно, на что указывает его нежелание публиковать статью в полном объеме, так как это повредило бы его педагогической карьере. Исследователь пишет: «В отличие от В. В. Розанова, открыто высказавшегося в пользу сечения розгами в сборнике “Сумерки просвещения” (1899; в это время писатель уже оставил педагогическую деятельность), Сологуб не решился напечатать свой труд. Помимо фактического признания в стремлении к флагелляции, под предлогом отстаивания так называемой автором “христианской” системы воспитания, была и другая причина сокрытия статьи: она была написана около 1893 года, когда тридцатилетний учитель Тетерников хлопотал о повышении по службе – “об инспекторском месте”. Появление в периодике в разгар кампании за отмену телесных наказаний столь одиозного текста могло бы повредить карьере педагога и начинающего писателя. Вполне очевидно, что высказанные им педагогические воззрения не могли вызвать сочувствия или поощрения у современников» (Павлова, 2007).

Н. В. Барковская полагает, что открытое призывание к физическим наказаниям, сделанное Ф. Сологубом в своей статье, является «одной из “истлевающих личин” писателя-символиста» (Барковская, 2013). Исследователь усматривает возможность проявления в этих заявлениях писателя явную «иронию и эпатаж» (Барковская, 2013).

Действительно, обращение к художественному наследию Ф. Сологуба позволяет взглянуть на вопрос о физических наказаниях детей с совершенно иной стороны. В рассказах писателя, включающих эпизоды телесных наказаний героев-детей, показаны их страдания и унижения, отравляющие жизнь и приводящие к страшным последствиям. Так, после того как отец высек Ваню Зеленева (рассказ «Жало смерти», 1903), в нем пробудились чувства сильнейшей злобы, «злые и жестокие мысли» (Уччелло, 2019, с. 308). Мечта об убийстве овладела израненной детской душой, сначала сделав источником своей «злобы и ненависти» (Сологуб, 1988, с. 309) Колю Глебова, он и сам проникается отвращением к жизни, полной несправедливости, жестокости

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

и пороков. Лейтмотивом речей Вани, убеждающих покинуть этот мир, становится утверждение: «Здесь гадко жить» (Сологуб, 1988, с. 310).

Действительность, на взгляд мальчика, наполнена злом, исходящим от людей, которые осмеивают малейшие телесные недостатки, обижают, ругают, упрекают, несправедливо «позоряют» (Сологуб, 1988, с. 310). Особенный акцент Ваня делает на физических наказаниях: «И бьют, – больно бьют. Ты думаешь, часто бьют, так привык? Нельзя привыкнуть» (Сологуб, 1988, с. 310). Иными словами, телесные наказания всегда причиняют ребенку нравственные и физические страдания, не осознаются ими необходимыми, нужными, полезными. Напротив, именно физическое наказание становится последней каплей, переполнившей терпение Вани, и его добровольный уход в смерть становится настоящим спасением от мучительной действительности.

Проблема физических наказаний в семье поднимается Ф. Сологубом и в рассказе «Мечта на камнях» (1912). Образы матери и главного героя произведения Гриши носят автобиографический характер. Эпизод, описанный в произведении (мать наказывает сына тем, что не пускает его играть во двор, так как «каприз нашел») (Сологуб, 1988, с. 332), взят писателем из собственного детства. Детские впечатления отразили образ матери, измученной тяжелой работой, глубоко несчастной, оставшейся без поддержки мужа женщины, не дающей возможности радоваться жизни своему ребенку. Общение матери с Гришей ограничивается грубыми криками и высказыванием постоянного недовольства.

Гриша оказывается «поколочен» (Сологуб, 1988, с. 332) за любую, даже, на первый взгляд, невинную провинность. Например, телесное наказание следует за нечаянно разбитой чашкой. Если мальчик, замешкавшись, не сразу прибегает на зов матери, ему тут же «достаётся» (Сологуб, 1988, с. 336). Постоянные несправедливые унижения рождают в Грише мучительный вопрос: «Кто же я? <...> Отчего мир вокруг меня лежит во зле, безобразный и лживый?» (Сологуб, 1988, с. 339). Внутренние страдания героя-ребенка, не знающего, почему он всеми презираем, унижаем и не любим, обостряют именно постоянные физические наказания.

Отвращение к жестокой действительности порождает особое психическое состояние героя рассказа. Гриша словно балансирует между двух миров – миром действительной жизни и сказочно-романтическим пространством. Воображаемая «волшебная, прекрасная, счастливая страна», населенная «прекрасными дамами» и «милыми пажами», резко контрастирует со «скудной северной столицей», домом, «похожем на тюрьму», «крикливыми, сварливыми, злыми женщинами и девушками», «грубыми и презрительно-ласковыми господами» (Сологуб, 1988, с. 334). Образ «прекрасной Турандины» (Сологуб, 1988, с. 335), созданной грезами мальчика, становится символическим воплощением лучшего мира, недостижимой мечтой, помогающей сохранить себя, свою личность от разрушения грубой земной реальностью.

В романе «Творимая легенда» (1907–1913) писатель рассматривает пагубные последствия жестокого, несправедливого семейного воспитания в эпизоде наказания маленького Егорки матерью. Этот эпизод помещен в конце 25 главы и «состоит из двух эпизодов, разделенных по времени действия на вечернюю сцену, в которой мать жестоко наказывает сына, и утреннюю попытку матери разбудить мальчика» (Гармаш, 2015, с. 57). Повествование здесь «ведется от лица всеведующего нарратора, который то объективно описывает все происходящее с точки зрения невидимого наблюдателя, то передает мысли матери» (Гармаш, 2015, с. 57).

Портретные детали образа ребенка («легонькая одежонка», «грустный и светлый», «удивленные глаза»), описание его внешних реакций («вскрикнул жалобно», «забилось маленькое, омытое тихими водами тело»), противопоставленных поведению матери («уже захваченное жесткою рукою», «свирепо кричащей женщины», «мать стегала его долго и больно», «кричала в лад ударам») (Сологуб, 1991, с. 150–151), воссоздают сцену отвратительного насилия взрослого над слабым, ранимым маленьким существом. Телесное наказание приводит к гибели ребенка.

Примечательно, что мать Егорки не чувствует за собой никакой вины в содеянном, не приходит к осознанию совершения страшного преступления. Это связано с общепринятыми, привычными представлениями об обычности и необходимости физического наказания. Мать

высказывает обыденные взгляды на порку, не видя в ней ничего особенного. Писатель показывает, что невозможность вырваться из плена чудовищных общественных представлений приводит к духовной гибели человека, обнищанию его души. Мать оказывается неспособной любить, прощать, быть милосердной к собственному ребенку.

Тема смерти детей вследствие физического наказания продолжена в романе в эпизоде о Навьей тропе. Здесь появляются образы мальчиков, один из которых покончил жизнь самоубийством (Митька Сосипатов), так как не смог перенести постоянных унижений. Другой герой-ребенок высказывает твердую уверенность в том, что обретет долгожданное райское блаженство, потому что слишком много страдал во время земного бытия.

Дети королевского почтмейстера наказываются матерью только потому, что они играют и балуются. Жестокость матери убивает в них радость жизни («они живо похудели, стали дикими и взъерошенными»), прежнее желание играть и веселиться исчезает без следа («Дома они сидели на стульях рядышком, молча, вытаращив ошалелые глазенки, вытянув вперед ножонки. Стоптаные башмачки порою сваливались на пол с их исхудалых ножек») (Сологуб, 1991, с. 521).

Выводы

В пределах художественного осмысления Ф. Сологуба, как и русских писателей и публицистов XIX века, оказался вопрос о телесных наказаниях в семье, предложения о необходимости изменения устоявшихся взглядов на личность и потребности ребенка. Для автора характерна неоднозначность трактовки проблемы физических наказаний в семье. Очевидно, это было связано с событиями собственного детства, когда будущий писатель регулярно подвергался физическим наказаниям, испытывая сильнейшие телесные и нравственные мучения. Внушаемые матерью, а потом сестрой идеи о правомерности, необходимости телесных наказаний для воспитания нравственных добродетелей и обретения внутреннего равновесия рождали в Ф. Сологубе чувство примирения с этой мерой воспитательного воздействия. Данная мысль наиболее отчетливо звучит в статье писателя. Однако обращение к художественным произведениям автора позволяет уверенно утверждать, что телесные наказания трактуются им как несомненное зло, они являются источником сильнейших душевных страданий ребенка, отравляющих его существование и рождающих желание добровольного ухода из жизни.

Источники

- Барковская Н. В. (2013) К вопросу о педагогических взглядах Ф. Сологуба. Филологический класс, № 1 (31), с. 58–61.
- Веселова О. Н. (2011) Традиции Ф. М. Достоевского в романах Ф. К. Сологуба «Тяжелые сны» и «Мелкий бес». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 22 с.
- Гавриш Т. Р. (2004) Безрадостный гений. Ф. Сологуб: жизнь и творчество. Литература в школе, № 5, с. 3–7.
- Гарин-Михайловский Н. Г. (1988) Детство Темы. Гимназисты. Л., Худож. лит., 416 с.
- Гармаш Л. В. (2015) Между жизнью и смертью: тихие дети в романе Ф. Сологуба «Творимая легенда». Наукові записки ХНПУ ім. Г. С. Сковороди. Вип. 1 (80), с. 53–67.
- Достоевский Ф. М. (1989) Дело родителей Джунковских с родными детьми. В кн.: Ф. М. Достоевский. Дневник писателя: Избранные страницы. М., Современник, с. 453–460.
- Достоевский Ф. М. (1989) По поводу дела Кронеберга. В кн.: Ф. М. Достоевский. Дневник писателя: Избранные страницы. М., Современник, с. 152–154.
- Достоевский Ф. М. (1989) Речь г-на Спасовича. Ловкие приемы. В кн.: Ф. М. Достоевский. Дневник писателя: Избранные страницы. М., Современник, с. 160–167.
- Иванникова С. Г. (2012) «Семья – отживший институт»: регресс семейственности в творческом наследии Ф. М. Достоевского и С. Н. Сергеева-Ценского. Социально-экономические явления и процессы, № 4 (62), с. 139–144.
- Касаткина Т. А. (2019) «Мальчик у Христа на елке» Ф. М. Достоевского: структура образа и эстетика действия. Достоевский и мировая культура, № 1 (5), с. 16–40. Павлова М. М. (1990) Между светом и тенью. В кн.: Ф. Сологуб. Тяжелые сны : роман. Рассказы. Л., Художественная литература, с. 3–16.

- Павлова М. М. (2007) Писатель-инспектор. Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., Новое литературное обозрение, 510 с.
- Смирнов Я. В. (2015) Феномен «пожертвованного поколения» в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского (июнь 1873 г., январь 1876 г.). Вестник Томского государственного педагогического университета, № 10 (163), с. 114–118.
- Сологуб Ф. (1988) Свет и тени: Избранная проза. Минск, Мастацкая литература, 384 с.
- Сологуб Ф. (1991) Творимая легенда. М., Современник, 573 с.
- Утехин Н. П. (1991) Альдонса и Дульцинея Ф. Сологуба. В кн.: Ф. Сологуб. Тяжелые сны : роман. Рассказы. М., Советская Россия, с. 3–24.
- Учелло И. (2019) Риторика судебная и идеологическая: уголовный процесс в трактовке Достоевского. Мир русского слова, № 4, с. 48–54.
- Фолимонов С. С. (2012) Роман о воспитании человека (религиозное и светское в концепции героя у Н. Г. Гарина-Михайловского). Научно-культурологический журнал, № 9 (247). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3220&level1=main&level2=articles>.
- Фролова Е. А. (2007) Несобственно-прямая речь как средство создания психологического портрета в повести Н. Г. Гарина-Михайловского «Детство Темы». Русский язык в школе, № 1, с. 64–67.

References

- Barkovskaja N. V. (2013) K voprosu o pedagogicheskikh vzglyadah F. Sologuba [On the question of F. Sologub's pedagogical views]. Philological class, no. 1 (31), pp. 58–61 (In Russian).
- Dostoevsky F. M. (1989) Delo roditelej Dzhunkovskikh s rodnymi det'mi. F. M. Dostoevskij. Dnevnik pisatelya: Izbrannye stranicy. [The case of Dzhunkovsky's parents with their own children. In: F. M. Dostoevskij. Writer's Diary: Selected Pages]. Moscow, Sovremennik Publ., pp. 453–460 (In Russian).
- Dostoevsky F. M. (1989) Po povodu dela Kroneberga. F. M. Dostoevskij. Dnevnik pisatelya : Izbrannye stranicy [Regarding the Kroneberg case. In: F. M. Dostoevsky. Writer's Diary: Selected Pages]. Moscow, Sovremennik Publ., pp. 152–154 (In Russian).
- Dostoevsky F. M. (1989) Rech' g-na Spasovicha. Lovkie priemy. F. M. Dostoevskij. Dnevnik pisatelya: Izbrannye stranicy [Mr. Spasovich's speech. Clever techniques. In: F. M. Dostoevsky. Writer's Diary: Selected Pages]. Moscow, Sovremennik Publ., pp. 160–167 (In Russian).
- Folimonov S. S. (2012) Roman o vospitanii cheloveka (religioznoe i svetskoe v koncepcii geroya u N. G. Garina-Mihajlovskogo) [A novel about the upbringing of a person (religious and secular in the concept of a hero by N. G. Garin-Mikhailovsky)]. Scientific and Cultural Journal, no. 9 (247) Available at: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3220&level1=main&level2=articles> (In Russian).
- Frolova E. A. (2007) Nesobstvenno-pryamaya rech' kak sredstvo sozdaniya psihologicheskogo portreta v povesti N. G. Garina-Mihajlovskogo "Detstvo Temy" [Inappropriate-direct speech as a means of creating a psychological portrait in the novella by N. G. Garin-Mikhailovsky "The Childhood of the Theme"]. Russian language at school, no. 1, pp. 64–67 (In Russian).
- Garin-Mihajlovskij N. G. (1988) Detstvo Temy. Gimnazisty [The Childhood of the Theme. High school students]. Leningrad, Hudozhestvennaja literatura Publ., 416 p. (In Russian).
- Garmash L. V. (2015) Mezhdzhu zhizn'yu i smert'yu: tihie deti v romane F. Sologuba "Tvorimaya legenda" [Between Life and Death: Quiet Children in F. Sologub's novel "The Legend being Created"]. Scientific Notes of Kharkiv National Pedagogical University named after G. S. Skovoroda, vol. 1 (80), pp. 53–67 (In Russian).
- Gavrish T. R. (2004) Bezradostnyj genij. F. Sologub: zhizn' i tvorchestvo [Joyless genius. F. Sologub: life and creativity]. Literature at school, no. 5, pp. 3–7 (In Russian).
- Ivannikova S. G. (2012) "Sem'ya - otzhivshij institut": regress semejstvennosti v tvorcheskom nasledii F. M. Dostoevskogo i S. N. Sergeeva-Censkogo ["Family is an obsolete institution": regression of nepotism in the creative heritage of F. M. Dostoevsky and S. N. Sergeev-Tsensky]. Social-economic phenomena and processes, no. 4 (62), pp. 139–144 (In Russian).
- Kasatkina T. A. (2019) "Mal'chik u Hrista na elke" F. M. Dostoevskogo: struktura obraza i estetika dejstviya [The Boy at "Christ on the Christmas tree" by F. M. Dostoevsky: the structure of the image and the aesthetics of action]. Dostoevsky and world culture, no. 1 (5), pp. 16–40 (In Russian).
- Pavlova M. M. (1990) Mezhdzhu svetom i ten'yu. F. Sologub. Tyazhelye sny : roman [Between light and shadow. In: F. Sologub. Heavy dreams: a novel, stories]. Leningrad, Hudozhestvennaja literatura, pp. 3–16 (In Russian).
- Pavlova M. M. (2007) Pisatel'-inspektor. Fedor Sologub i F. K. Teternikov [The writer is an inspector. Fedor Sologub and F. K. Teternikov]. Moscow, Novoe literatkrnoe obozrenie Publ., 510 p. (In Russian).
- Smirnov Ja. V. (2015) Fenomen "pozhtertvovannogo pokoleniya" v "Dnevnikе pisatelya" F. M. Dostoevskogo (iyun' 1873 g., yanvar' 1876 g.) [The phenomenon of the "donated generation" in the "Diary of a Writer" by F. M. Dostoevsky (June 1873, January 1876)]. Tomsk State Pedagogical University Bulletin, no. 10 (163), pp. 114–118 (In Russian).

- Sologub F. (1988) Svet i teni: Izbrannaya proza [Light and Shadows : Selected Prose]. Minsk, Mastackaja literature Publ., 384 p. (In Russian).
- Sologub F. (1991) Tvorimaya legenda [The legend being created]. Moscow, Sovremennik Publ., 573 p. (In Russian).
- Uchchello I. (2019) Ritorika sudebnaya i ideologicheskaya: ugovnyj process v traktovke Dostoevskogo [Judicial and ideological rhetoric: the Criminal process in the interpretation of Dostoevsky]. The world of the Russian word, no. 4, pp. 48–54 (In Russian).
- Utehin N. P. (1991) Al'donsa i Dul'cineya F. Sologuba. F. Sologub. Tyazhelye sny : roman. Rasskazy [Aldons and Dulcinea F. Sologuba. In: F. Sologub. Heavy dreams: a novel, stories]. Moscow, Sovetskaja Rossija Publ., pp. 3–24 (In Russian).
- Veselova O. N. (2011) Tradicii F. M. Dostoevskogo v romanah F. K. Sologuba "Tyazhelye sny" i "Melkij bes" [Traditions of F. M. Dostoevsky in F. K. Sologub's novels "Heavy Dreams" and "The Little Demon"]. Abstr. Diss. ... Cand. of Philol. Sci. Orel, 22 p. (In Russian).

Информация об авторах

Клыпина Ирина Витальевна

Выпускница Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова (164512, РФ, г. Северодвинск, ул. Карла Маркса, 36). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5838-9432>. E-mail: clypinairina@yandex.ru

Шестакова Елена Юрьевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка. Гуманитарный институт Северного (Арктического) Федерального университета им. М. В. Ломоносова (164500, РФ, г. Северодвинск, ул. Капитана Воронина, 6). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>. E-mail: shestakova.lena2013@yandex.ru

Author`s information

Irina V. Klypina

Graduate. M. V. Lomonosov Pomor State University. (36 Karl Marx St., Severodvinsk, 164512, Russian Federation). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5838-9432>. E-mail: clypinairina@yandex.ru

Elena Yu. Shestakova

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor of the Department of Literature and the Russian Language. Institute for the Humanities of the Lomonosov Northern (Arctic) Federal University (6 Captain Voronin St., Severodvinsk, 164500, Russian Federation). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>. E-mail: shestakova.lena2013@yandex.ru